

Хань Ян уже готов был зайти дальше, как вдруг у входа в переулок раздался резкий окрик патрульного:

— А ну стоять! Вы что там делаете?!

— Твою мать! — выругался Хань Ян.

Швырнув Линь Цинжана на землю, он бросился наутёк через противоположный выход из подворотни.

— Парень, ты цел? — один из полицейских бросился в погоню за мерзавцем, а второй помог Линь Цинжаню подняться.

— Да... всё в порядке, — тихо ответил Линь Цинжань.

С трудом удерживая равновесие, он покачал головой и принялся дрожащими руками приводить в порядок измятую одежду. На его бледном, осунувшемся лице не было ни одной живой эмоции.

В полицейском участке он послушно дал показания, но имени Хань Яна так и не выдал.

Дело было не в том, что он никогда не пытался искать защиты у закона. Пробовал, и не раз. Но у семьи Хань Яна водились большие деньги, позволявшие ему каждый раз выходить сухим из воды. А для самого Линь Цинжана любая жалоба в итоге оборачивалась лишь новыми, куда более жестокими издевательствами.

Собственные синяки и боль он мог стерпеть. Ему было плевать, что с ним сделают. Но рисковать безопасностью бабушки Линь он не имел права.

Выйдя из участка, Линь Цинжань заглянул в ближайшую аптеку, купил антисептик, ватные палочки и заживляющую мазь. Нужно было срочно обработать раны, и он решил зайти в общественный туалет торгового центра.

Спина неприятно ныла — видимо, когда Хань Ян швырнул его на стену, он сильно содрал кожу. Но спину хотя бы скрывала одежда. С лицом всё обстояло гораздо хуже: отметины были на виду, и теперь требовалось придумать хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение.

Иначе бабушка снова начнёт расспрашивать и изведётся от тревоги.

— Парень... с тобой всё хорошо? Может, в больницу надо? — не удержался от вопроса зашедший в уборную мужчина.

Линь Цинжань лишь слабо качнул головой:

— Спасибо, не нужно. Всё нормально.

Уходя, мужчина сочувственно оглянулся. Лицо парня выглядело по-настоящему страшно.

После хлестких пощёчин Хань Яна щека сильно распухла и горела. Изнутри губа была разбита в кровь, а в уголке рта уже запеклась тёмная сукровица. Кожа треснула как раз там, где едва начала затягиваться старая рана. Получилось повреждение поверх прежней травмы — боль из-за этого казалась невыносимой.

У Линь Цинжана была очень светлая, почти прозрачная кожа. На ней даже лёгкое покраснение сразу бросалось в глаза, а сейчас эти жуткие багровые кровоподтёки выглядели так, что у любого случайного свидетеля невольно сжималось сердце.

Из зеркала на него смотрел чужой человек с тусклым, безжизненным взглядом. Глаза, обычно сияющие мягким блеском, покраснели, но в них не было ни капли живых чувств. Линь Цинжань механически, словно заведённая кукла, макал ватную палочку в антисептик и прижимал к разбитым губам.

Взгляд подёрнулся влажной пеленой, но он даже не поморщился от едкой боли, продолжая обрабатывать ссадины. Казалось, перед стеклом стоит не живой человек, а лишь пустая, лишённая души оболочка. Он медленно моргнул. Длинные ресницы дрогнули, отбрасывая тень на веки, и скопившиеся слёзы отступили, так и не пролившись.

Линь Цинжань давно забыл, каково это — плакать. Сколько бы боли и унижений ни выпадало на его долю, он научился загонять слёзы обратно, переламывая себя. Рыданиями горю не поможешь. Он обязан быть сильным. Ведь если сломается он, кто защитит его единственного близкого человека?

«В этом холодном мире у меня ведь действительно не осталось никого... Только бабушка».

Люди, заходившие в уборную помыть руки, невольно задерживали на нём взгляд. Слишком уж дико и страшно смотрелись эти увечья на его красивом, утончённом лице. Впрочем, Линь Цинжаню было плевать на чужое любопытство. В жалости он не нуждался.

Закончив с обработкой, он выбросил испачканную вату в урну и поспешил домой.

Перед тем как войти в подъезд, он отправил сообщение Гу Вэньюю:

[Бабушка внизу?]

Ответ пришёл почти мгновенно.

****[Гу Яньцин: Нет, только что поднялась к себе. А что?]****

Линь Цинжань с облегчением выдохнул. Появился шанс проскользнуть незамеченным. Показывать бабушке такое лицо сейчас было нельзя.

Коротко ответив парню, он ускорил шаг.

— Что у тебя с лицом?

Стоило Линь Цинжаню переступить порог, как Гу Вэньюй, взглянув на него, нахмурился. На его обычно невозмутимом лице отразилось искреннее замешательство.

— Ничего страшного, — Линь Цинжань воровато огляделся по сторонам и, не обнаружив бабушки, наконец позволил плечам расслабленно опуститься.

Тихо, стараясь не шуметь, он поднялся в свою комнату, скинул рюкзак и стянул куртку. На ткани серой полосой отпечаталась грязь — след от падения на землю во время потасовки с Хань Яном.

— Почему ты в крови? — Гу Вэньюй стоял в дверях, скрестив руки на груди и пристально разглядывая белую кофту с длинными рукавами, в которой остался парень.

— Где? На спине? — спросил Линь Цинжань.

— Да.

Повернув голову и пытаясь рассмотреть лопатки, он действительно заметил багровое пятно.

Ткань была белоснежной, поэтому проступившая кровь сразу бросалась в глаза. Похоже, кожа пострадала сильнее, чем казалось вначале — теперь становилась понятна эта навязчивая, саднящая боль при каждом движении.

Линь Цинжань спокойно подошёл к шкафу, достал чистую футболку и собрался переодеться.

— Ты не против, если я переоденусь здесь? — вежливо поинтересовался он у Гу Вэньюя. — Могу уйти в ванную, если тебе некомфортно.

Сам он не видел в этом ничего предосудительного — в конце концов, оба парни, — но решил проявить тактичность.

— Мне без разницы, — буркнул тот.

Линь Цинжань отвернулся, стянул через голову испачканную кофту и уже потянулся за чистой, как вдруг сильные пальцы перехватили его запястье.

— И ты собрался надеть чистую вещь прямо так?

— А что не так? — Линь Цинжань удивлённо оглянулся.

В глубине глаз Гу Вэньюя на мгновение вспыхнуло глухое раздражение.

— Ссадины обработай сначала, чучело.

— На спине я сам не достану, — честно признался Линь Цинжань.

— А попросить меня — гордость не позволяет?

Линь Цинжань на секунду растерялся. Ему действительно даже в голову не пришло обратиться за помощью. Он ненавидел обременять других и давно привык со всем справляться в одиночку.

— Не стоит, спасибо, — он мягко улыбнулся, давая понять, что разговор окончен. — Просто царапины. За пару дней покроются корочкой и пройдут.

— Сядь, — ледяным тоном приказал Гу Вэньюй.

Не дожидаясь согласия, он бесцеремонно усадил Линь Цинжаня на стул. Сильная ладонь легла на шею парня, заставляя его наклониться вперёд и подставить спину.

— Где антисептик и мазь?

— Да правда, не нужно, я уже привык...

— Будешь молчать — сам всё перерою, — грубо оборвал его Гу Вэньюй.

—... На нижней полке книжного шкафа.

Гу Вэньюй резко распахнул дверцу шкафа, достал аптечку и открыл крышку флакона.

— Сиди смирно. Если будет больно — сам виноват.

В этот момент внутри него закипала глухая злость.

Изначально Гу Вэньюй планировал проследить за ним. Ещё вчера он краем глаза заметил

входящее сообщение от Хань Яна на чужом экране и сегодня рассчитывал вывести кое-какие подробности. Однако стоило ему собраться на выход, как на лестнице появилась бабушка Линь.

Пожилая женщина поймала его в гостиной и принялась увлечённо рассказывать о своём внуке. Она без умолку хвалила Жань-жаня, с гордостью перечисляя его школьные грамоты, олимпиады и спортивные кубки, то и дело повторяя, какой он послушный и заботливый.

Слушать эти восторженные речи о «золотом мальчике» Гу Вэнью было скучно, но ради приличия пришлось нацепить вежливую маску сочувствующего слушателя.

От этой женщины исходила такая искренняя, щемящая любовь к внуку, что в груди Гу Вэньюя невольно зашевелились старые воспоминания. Когда-то он тоже был безумно привязан к собственной бабушке. Наверное, именно эта затаённая тоска по прошлому не позволила ему прервать старушку и причинить ей боль своим безразличием.

Лишь когда бабушка Линь наконец утомилась и поднялась к себе, Гу Вэнью смог вздохнуть свободно. И почти сразу после этого на телефон упало то самое короткое сообщение от Линь Цинжаня.

Он предчувствовал, что тот вернётся побитым, но реальность превзошла все ожидания. Увиденное заставило его внутренне содрогнуться.

Сначала он хотел просто отмахнуться от чужих проблем — пусть сам выкручивается. Но перед глазами упрямо стояло доброе лицо пожилой женщины. Понимая, что её сердце просто разорвётся от жалости к внуку, Гу Вэнью через силу взялся за лекарства.

Ему никогда в жизни не приходилось ухаживать за ранеными, поэтому пальцы действовали грубо, без должной нежности. Линь Цинжань не проронил ни звука, но по тому, как сильно он закусил нижнюю губу, было ясно: процедура доставляет ему мучения.

— Больно? — Гу Вэнью невольно сбавил напор. — Орать не запрещено, легче станет.

— Всё хорошо, — вымученно улыбнулся парень, упорно храня молчание.

— И где тебя так приложило? Уходил ведь совершенно целым.

Гу Вэнью спросил это намеренно. Он прекрасно знал имя виновника, но ему хотелось услышать, какую ложь выдаст этот упрямец.

Линь Цинжань ответил всё тем же ровным, мягким тоном:

— Да так... оступился неудачно.

Гу Вэньюй про себя зло усмехнулся. Нелепая отговорка, в которую не поверил бы даже ребёнок, но этот дурак произнёс её с поразительно честным выражением лица.

Не став устраивать допрос, он молча закончил обрабатывать раны. Затем, бросив короткое «я пошёл руки помою», скрылся в ванной комнате и торопливо достал из кармана мобильный телефон.

<http://bllate.org/book/18342/1764185>